

№374 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Проставим Господа в песнях!

В нынешнем воскресном апостольском чтении (*Кол 1,12-18*), нам предлагается отрывок, представляющий собою гимн Христу 1-го столетия. Тогдашние христиане радость обновления своей жизни выражали в поэтическом и литургическом творчестве. В книгах Нового Завета мы находим и «Песнь Богородицы», и «Ныне отпускаеши», и «Пролог Евангелия от Иоанна», а так же многочисленные гимны, рассыпанные по посланиям Апостола Павла и Книге Откровения...

Да и в последующие века – бесчисленные прекрасные песнопения, которые, вместе с ветхозаветными Псалмами, донныне украшают наши богослужения. И вдруг... всё оборвалось. В Церкви иссякло творчество, она больше не находит поэтических слов, в которых могла бы выразить свои чувства и мысли. И произошло это не вчера. Вот уже несколько столетий Церковь лишь заученно повторяет старые молитвы и песнопения. Не заставляет ли этот факт задуматься над тем, что с современными христианами происходит что-то неладное?

Начинается текст нынешнего чтения с призыва возблагодарить небесного Отца за то, что Он избавил нас от власти тьмы и ввел нас в Царство света.

Власть тьмы и власть света, сыны тьмы и сыны света, – эти образы в Священном Писании описывают два противостоящих друг другу состояния человека. Одно – погружённость в мирское и преходящее. Другое – устремлённость в божественное и нетленное.

Человек, конечно, может и должен устраивать свою жизнь в этом мире. Но найти в нём смысл, цель, уверенность и покой, человек, неся на себе груз греха, никогда не сможет. И это понятно, так как человек сотворён по образу своего Создателя. И при всей греховной искажённости своей природы, он будет всегда тосковать по своему Первообразу, по Богу...

«Отче наш, сущий на Небесах!»

Как Вы помните из Евангелий от Матфея и Луки, однажды ученики обратились к Иисусу с просьбой: «Научи нас молиться! Как правильно молиться?» После чего Христос произносит знаменитую молитву «Отче наш!», которую многие из нас наизусть знают с детства.

Начинает Господь со слов: «Молитесь же так...». Это даёт повод для некоторых думать, что молиться нужно «ИМЕННО так», «ТОЧНО так» – «буква в букву». И молитва «Отче наш», которая следует за этим, достойна этого, и, слава Богу, что мы молимся именно этими словами – это замечательно. Но, конечно же, Иисус не имел в виду, что мы должны молиться ТОЛЬКО так. И в самом Евангелии достаточно мест, где мы видим Иисуса молящимся, и некоторые из этих молитв до нас донесены, и это вовсе не молитва «Отче наш». Поэтому слово «так» нужно понимать, как оно и означало в арамейском – «таким образом», «подобно этому».

Как же Господь призывает нас молиться? Очередной раз освежим в памяти значение каждого прошения этой молитвы, потому, что буквально каждое слово здесь на вес золота.

«Отче наш!» – здесь обращение к Богу, как к Отцу нашему Небесному. Для большинства даже учеников Христовых это был шок, перелом сознания. Да, уже в Ветхом Завете, особенно у поздних пророков было сказано, что Бог человеколюбив, не желает гибели даже великим грешникам, но ждёт их обращения. Но, чтобы так запросто – ко Всевышнему Творцу Неба и Земли, Вседержителю всего мироздания обращаться как к своему отцу, называть Его папой – это, во-первых, лихо, и, ведь, вдохновляет – это же здорово – Бог – любящий нас Небесный папа – это в корне меняет все сложившиеся представления об отношении Бога к людям. Нечего бояться, никаких условностей или преград. И посредников никаких нам не надо. Между папой и детьми – какие могут ещё быть ходами или посредники?! Более того, на языке оригинальном, арамейском в этом месте употреблено слово *אבא* Аба, по-гречески *αββα*). «Аба» лучше бы перевести словом «папочка» – это очень нежное, ласковое слово. Отец – это грубовато – ОТЕЦ! Папочка наш Небесный – любящий, заботящийся, сопереживающий и сострадающий нам – вот, что значит первое слово молитвы Господней «Отче». «Наш» – второе слово. Оно так же важно. Именно **наш** Отец – не только «мой». Если бы каждый из нас говорил «Отец **мой**», это бы значило, что мы не желаем признавать окружающих нас людей братьями и сёстрами. А это принципиально важный вопрос. Почему, на каком основании мы, христиане называем друг друга братьями и сёстрами? Да потому, что у всех нас один Отец наш Небесный.

«Сущий на Небесах» – **обитающий** на Небесах.

Но где они – эти Небеса – за облаками, на соседней галактике или за млечным путём? Слово «небеса» на языке Библии отнюдь не означает то или иное место в пространстве. Уже за 300 лет до Рождества Христова авторы Септуагинты – переводы Библии на греческий язык различали **физическое** небо – «ουρανός» [урану] и небеса – «ουρανοί» [урани], как область духа. Таким образом, Всевышний пребывает не на небе, а на Небесах. Небеса – это не место, а **образ** существования Бога, состояние отделённости, иноприродности всему земному. Сказать, что Бог пребывает на Небесах будет означать, что Бог несоизмерим ни с чем земным, Он иной, Он находится вне пределов всего видимого и умопостигаемого.

К слову говоря, Сам Спаситель многократно пользуется этим термином, подчёркивая, что на-

ступает новое время, когда само небо сходит на землю. Так же мыслили и апостолы. Павел пишет, что *уже сейчас* Бог посадил нас на Небесах (Еф. 2,6). Вся наша жизнь, пусть и на земле протекающая, должна быть на небесах жителем.

Бог трансцендентен, Он существует вне пространства и вне времени, Он за пределами миру, но и вместе с тем пребывает абсолютно везде - тем более, обитает в душах и сердцах тех, кто Его принял. Святой Кирилл Александрийский пишет по этому поводу: «Небесами могут быть все те, которые носят образ небесного, и в которых Бог вселился». То же самое утверждает и блаженный Августин: «Справедливо - пишет Аврелий - слова молитвы Господней «сущий на небесах» разуместь так, как если было бы сказано: сущий в сердцах праведных, как в храме Своём».

Поэтому, дай Бог, чтобы и наши души и сердца вместили в себя Небеса - жилище Самого Бога. Во всяком случае это должно стать нашей целью - достичь такого небесного состояния, чтобы самим стать Небесами, в которых будет обитать Всевышний.

«Да святится имя Твоё!»

Первое, что мы просим Господа в молитве «Отче наш»: «Да святится имя Твоё...» Не очень понятно - что значит «святится». Яйца на Пасху святить, на Преображение виноград - не то, чтобы всё ясно, но дело привычное и очевидное - прошёл батюшка по рядам и святой водой окропил содержимое кошёлок. Квартиру освятить - то же самое или автомобиль. А святить Самого Господа - это же как нужно себя вознести в самомнении! Правда, в молитве мы просим, чтобы освящался не Сам Всевышний, а Его имя. Но это ещё большая нелепость. Как это освящать имя Божие - наштамповать его на деревянных табличках и святой водой их окроплять?

Иудейским слушателям - это, по всей видимости, было ещё более непонятно. «Святой», как мы неоднократно с Вами подчёркивали, на языке Библии, значит, «отделённый» - для Бога отделённый, принадлежащий Всевышнему. Т.е., получается, имя Божие - не свято - ну раз его нужно освящать, т.е., Богу оно не принадлежит - не кадош (קדוש).

Правильнее всех, пожалуй, поступил отец Леонид Лутковский бывший настоятель Свято-Никольской церкви в Киевской области - царство ему Небесное. Наш Сергей Майстренко его хорошо знал. Отец Леонид был великолепным знатоком греческого языка и осуществил очень даже неплохой перевод четырёх Евангелий на современный русский язык. И это греческое «αγιασθήτω» - «святится», не побоялся перевести словом «прославится». В этом варианте всё становится на свои места. Да **прославится** Всевышний, пусть славно будет имя Его среди всех народов!

При буквалистском подходе можно, конечно, бросить камень в огород отца Леонида, потому что «αγιασ», дословно, «святой». Но, как говорил апостол Павел: «буква убивает, а дух животворит». Важно, ведь, адекватно передать **смысл** слов Христа, а не цепляться за то или иное слово. Слова они такие неустойчивые, нестабильные - вчера несли один смысл, а сегодня совсем другой. Вчерашнее Спаси Бог, ныне - «благодарю» - «спасибо».

Особенно сбивало с толку Ветхозаветный люд, наверно, употребление здесь слова «имя». Нет, чтобы сказать: «да прославится Господь!», а тут, да прославится **имя** Его. Для нас с Вами, христиан - это не помеха, нам всё равно, как сказать: да прославится Всевышний, или да прославится имя Его. Второй вариант, даже несколько поэтичнее. А вот для древних - это был не просто камень преткновения, а целая каменюга. В их представ-

лении - имя - это не просто условное обозначение. Ну, Вы помните - наречь имя означало обрести или продемонстрировать **власть** над наименованным - так же, как и узнать настоящее тайное имя будь то человека, животного или какого-либо иного существа. Помните ещё во второй главе Бытия, сотворивши человека, Господь предоставляет ему право наречь имена всем животным.

Собственно, идея эта не столько Ветхозаветная, сколь языческая. Практически все народы, окружавшие Израиль убеждены были именно таким образом. Например, у вавилонского божка Мардука было до пятидесяти имён, а хананеяне держали имена своих божеств в тайне, обозначая их лишь общим словом «Вaal» (владыка того или иного места) - понятно, зачем. Чтобы кто-либо из враждующих с ними народов, узнав таинственные, магические имена их покровителей, не обрёл власть над этими божками - тогда, ведь - всё - их же «Вaal» их и придавит.

Израильяне, конечно, так не считали - Иегова слишком Великий Бог, чтобы, зная Его имя, Им манипулировать. Но в ведению или неведению подлинного имени Божия, во Израиле придавалось громадное значение - примеров из Библии привести можно множество. Поэтому, будь то иудей или язычник если взялся бы истолковывать эти слова молитвы: «да святится имя Твоё» - много интересного и фантастического мы смогли бы услышать.

Но для нас, христиан, всё гораздо проще и бесхитростнее: «да прославится Господь!» Везде, во всём мире, во всех народах, пусть имя Божие произносится с великим благоговением - со страхом и любовью.

Но здесь возникает ещё один вопрос. А почему мы взываем к **Богу** с этой просьбой? Разве это от Него зависит. Нет, конечно, при желании, Всевышний **мог** бы заставить всех нас Себя зауважать. Тряханул бы землёй хорошенько раз другой, явился бы в грохоте громов и блеске молний. Кого надо - в бараний рог. Но это же, как мы знаем, не в Его стиле. Господь не только прославлять Себя никого не заставляет, но и даже верить - не хочешь признавать Его существование - ну и ладно, Всевышний Себя никому не навязывает. Целые поколения всю свою жизнь проживают с убеждением, что Бога **нету** попросту.

Конечно же прославление Бога - дело **наше** с Вами, а не Божье. Мы, кстати, об этом часто забываем. Но, с другой стороны, без Бога, без Его помощи и Благословения, мы мало на что способны, если вообще на что-то пригодны. Поэтому, в прошении: «да святится имя Твоё», мы, как бы берём Благословение у Бога, испрашиваем у Него Благодатной помощи на Его прославление. Дескать, Боже, я пошёл Тебя прославлять, а Ты подмогни мне, подыграй, чтоб у меня всё получилось.

Но, к сожалению, зачастую - язык наш без костей - языком мы болтнуть что угодно горазды, в том числе и в молитве. Вот пропели с Вами «Отче наш» десять минут назад - всенародно пообещали Господу, что минут через двадцать выйдем из храма и пустимся проповедовать, славить Его святое имя. Серьёзно, что ли? Щас, уже разбежались, пятки оголили - босиком, чтоб скорее! Блаженный. Феофилакт так и говорит, что нашими делами имя Божие должно превозноситься, Но, продолжает блаженный, «нашими худыми делами имя Божие хулится...». Посему вместе с Иоанном Златоустом воскликнем: «Помоги нам, Господи, так чисто жить, чтобы чрез нас все Тебя славили... дабы каждый, видящий нашу жизнь, возносил хвалу Владыке **Миров**».

Предыдущие №№ «Седмицы» на сайте: <http://pravoslav.tv>
Листочек передайте, кому сочтёте нужным